

DOI: [10.17805/ggz.2018.6.14](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.6.14)

Загадка Сфинкса

О. Стефанов

Союз ученых Болгарии, г. София, Болгария

В статье рассматривается содержание известной трагедии Софокла «Эдип-тиран». По мнению автора, для понимания вложенных смыслов, значений и предупреждений в прославленной драме о фиванском властителе Эдипе необходимо раскрыть символику загаданной юноше загадки о человеке. Его «мудрость» ограничивается антропологическими особенностями; внутреннее зрение для осознания духовного назначения личности открывается ему лишь после раскаяния и самоослепления. Вторая часть загадки предупреждает о тленности человека.

Ключевые слова: Сфинкс-душительница; Софокл; Эдип; Иокаста; Лай; пророчества

The Sphinx's Riddle

O. Stefanov

Union of Scientists of Bulgaria, Sofia, Bulgaria

The article examines the content of the famous Sophocles' tragedy "Oedipus Tyrannus". In the author's opinion, while studying implications, meanings and warnings in the well-known drama about the King of Thebes, it is necessary to reveal the symbolism of the riddle about the man, which the Sphinx proposes to Oedipus. His "wisdom" is limited by his anthropological features; he gets his internal sight to perceive the person's spiritual goal only when he has repented and blinded himself. The second part of the riddle warns us about the temporality of the man.

Keywords: Sphinx, the strangler; Sophocles; Oedipus; Jocasta; Laius; prophecies

ВВЕДЕНИЕ

Трагедия Софокла «Эдип-тиран» по праву считается одной из самых известных драм в мировом литературном наследии. Представленные в ней события и взаимоотношения необычны, развязка неподражаемо трагична, и это поражает воображение читателей и зрителей. В свою очередь, литературные критики и историки с особым рвением выдвигают широкие обобщения,

составляют гипнотизирующие дерзкие гипотезы и «парадигмы». А еще сюжет этой трагедии заложен в основе всевозможных концепций и культурологических моделей.

И тем не менее, громкая слава «Эдипа-тирана» никак не соответствует пониманию тех конкретных мотивов и желаний при совершении роковых поступков. Проявляется некая ремифологизация, которая ведет свое начало еще со времен Аристотеля. Центральный персонаж видится как идеальная личность, «культурный герой», поскольку его основной «подвиг» якобы состоит в проявленной мудрости при решении загадки Сфинкса. Потом настала счастливая пора его царствования, которое длилось до того момента, пока не грянуло напророченное несчастье. Соответственно, в такой развязке не видится вины правителя — фатум же неотвратим!..

Все выглядит слажено, однако такая интерпретация бросает камень в огород драматурга, навязывая ему черты мифографа. По существу, интерпретаторы совершают «интеллектуальное» предательство, поскольку скрывают художественное прозрение Софокла: гений трагического проникновения сделал из сказки, мифа потрясающую драму!

СМЫСЛ ЗАГАДКИ СФИНКСА

Необходимо заново открыть первоизданную конфликтность во взаимоотношениях и определить ответственность каждого персонажа за развернувшиеся трагические события в городе. Только в этом случае можно проследить, почему на царствующую в Фивах чету обрушилась такая беда. Сокрытые в загадке Сфинкса смыслы помогут также понять мотивы поступков человека, который спас первого ребенка Иокасты, или разобраться в колебаниях Тиресия, заблуждениях хора фиванских старцев и особенностях миссии, которую возложила Зевсова супруга Гера на Сфингу.

Какие смыслы и предупреждения мы пропускаем, принимая на веру ту мифическую приблизительность в пересказе сюжета, на которую с давних времен делают ставку всевозможные интерпретаторы? Следует ли, например, считать, что Креонт мимоходом и случайно вспомнил о событиях с этим странным существом, у которого женское лицо и грудь, туловище льва с когтистыми лапами и крылья. Или оно упомянуто только как оправдание за халатность, когда становятся известны обстоятельства убийства прежнего правителя Фив? На мой взгляд, мы зря ограничиваемся «служебной ролью» этого зооантропоморфного персонажа. Ведь после победы над Душительницей (именно таково значение слова «Сфинга») началось новое бытие Эдипа: он взошел на фиванский престол!

Возникающие вопросы и проблемы в связи с роковой загадкой позволяют развернуть прелюбопытную полемику. Как можно объяснить тот парадокс, что даже когда странному существу уделяется довольно значительное внимание, «неудобные» места попросту замалчиваются? Например, такую избирательность проявил В. Н. Ярхо в своей развернутой статье «“Эдипов комплекс” и “Царь Эдип” Софокла» (Ярхо, 1978). Этот очень известный специалист вообще не упоминает работу не менее известного С. С. Аверинцева «К истолкованию символики мифа об Эдипе» (Аверинцев, 1972). Едва ли концепция Аверинцева не была знакома Ярхо, когда он спустя шесть лет выдвинул свое опровержение психоаналитических конструкций З. Фрейда. Впрочем, в научных сообществах такие публикации не остаются незамеченными. Версия с невольным замалчиванием отпадает и в связи с тем, что в сборнике «Античность и современность», где представлен текст Аверинцева, опубликована и статья Ярхо «Была ли у древних греков совесть?» (Ярхо, 1972). При таком соседстве вывод однозначен: статья Аверинцева «забыта» отнюдь неслучайно. Просто не нашлись весомые аргументы для опровержения того подспудного признания фрейдистских интерпретаций, которое можно найти в статье Аверинцева. Текст неудобного оппонента был проигнорирован!

Более корректной представляется откровенность Е. М. Мелетинского, который пишет в своем исследовании «Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе)», что не желает «ни отвергнуть, ни принять как само собой разумеющуюся психоаналитическую трактовку инцестуальных мотивов» (Мелетинский, 1984: 58). По мнению ученого, «мотив инцеста символически (метафорически) сопряжен с идеей узурпации власти над матерью — родиной» (там же).

Эта констатация о насилии схожа с выводами С. С. Аверинцева, но она не привела автора к отказу от приевшейся героизации Эдипа. Он вообще не выказывает какой-либо упрек за преступное сожительство матери с сыном. Ни как о метафоре, ни как о символе. Инцест является нарушением запрета, однако к нему можно подходить двойственно, т. е. и с оправданием: «...инцест знаменует зрелость героя и одновременно его исключительность. В сказках и балладах инцест имеет только отрицательную оценку и является невольным (как и в истории Эдипа, фиксирующей позднюю фазу героического мифа)» (там же: 59).

Почему же мы восхищаемся зрелостью и исключительностью Эдипа, когда доподлинно ясно, до какого незавидного состояния доведены Фивы под управлением утвердившегося на престоле молодчика? Да и вообще лавирование между разными мифологическими, фольклорными и сказочными

вариантами сюжета размывает целостное представление о произведении Софокла. В результате получается расхождение с реальными событиями и взаимоотношениями в трагедии, открывается брешь для более поздних наслоений и мотивов.

Показательный пример находим в статье В. Я. Проппа «Эдип в свете фольклора», в которой можно прочесть такое вот нагромождение допущений и умозаключений: «Сказочный герой только воцаряется, но не царствует. Но “Эдип” не может кончиться воцарением. Эдип царствует. Это — элемент уже не сказочный, а более поздний. С точки зрения сказочной поэтики здесь развит и продолжен момент апофеоза героя. Эдип не только царствует, а в царствовании своем возносится на необычайную высоту. Он — почти божество, “молвой людей прославленный Эдип”, царь-бог, каких в своем исследовании нам показал Фрезер. Он может спасти народ от чумы. Он посредник между богом и людьми» (Пропп, 1976: 293).

В этом комплементарном описании героя нет и намека на те конкретные действия, колебания, необоснованные обвинения в адрес Креонта, Тиресия, Пастуха... И тут надо отметить, что статья была впервые опубликована в 1944 г. А это время, когда царствовал воспринимаемый как бог, правящий как единоличный диктатор Иосиф Джугашвили. И вряд ли мы ошибемся, если скажем, что восхваление фиванского правителя в статье Проппа как-то связано с громким возвеличиванием Сталина в обществе.

Соответственно, эта «исследовательская катаракта» должна насторожить нас и в отношении прямо заявленного нежелания обсуждать загадку Сфинги: «Для нас этот образ есть результат ассимиляции царевны, задающей задачу или загадку, и змея, требующего себе человеческой дани. Этот вопрос требовал бы специального исследования. Нам достаточно установить, что здесь мы с точки зрения сказочного канона имеем трудную задачу; самое содержание задачи для нас безразлично» (там же: 289).

Во времена, когда в подтверждение своего величия диктаторы приносили в кровавую жертву миллионы человеческих жизней, такое безразличие и герметизм не помогают разоблачению демагогии. Выходит, что позиция С. С. Аверинцева более ответственна, поскольку он видит зависимость в эксцессах обладателя и насильника. Он рассуждает шире Е. М. Мелетинского, анализируя фигуру Сфинги более подробно. У него даже указаны варианты мифа, в которых в образе этого странного существа предстает сама Иокаста. Ученый проводит аналогию между овладением истиной и обладанием женщиной. Правда, и у него берут верх фольклорные мотивы (например, о том, что до первой брачной ночи молодожену нужно разгадать некие загадки).

Однако приходится признать, что в этом интересном тексте С. С. Аверинцева противоречия не сняты подобающим образом. Ведь ни разу не упоминая имя З. Фрейда, он не отвергает его теоретизации, будто влечение сына к инцесту, т. е. к соитию с собственной матерью, биологически предопределено. Именно с таким прицелом автор пространно разъясняет: подобные сновидения желательны для ремесленников, а также для властителей, поскольку потаенное знание гарантирует им успех. Не дано всплыть поверх обыденной повседневности тем, кто не посвящен в тайны. В этой связи Аверинцев приводит такое соображение: «...тиран в своем отношении к родине-матери переходит от роли гражданина-сына к роли повелителя-супруга, он “овладевает” и “обладает” родной землей, как “отдавшейся” женщиной» (Аверинцев, 1972: 93).

И вот в связи с этими параллелями между властью и обладанием сделано уточнение, что Эдипа называли «тюранос» (τύραννος) и что по своему смыслу это слово вряд ли совпадает со значением титула «царь», когда хор фиванских старцев поет: «Гордыней порожден тиран» (здесь и далее трагедия Софокла цит. по: Софокл, 1954; стих 850).

Опираясь на такие догадки, С. С. Аверинцев мог бы пойти и дальше в своих умозаключениях. Следовало бы в аналогии с обладанием поставить акцент на насилии. Однако не в том смысле, что Иокаста вступила в сожительство с молодым человеком по принуждению, а поскольку по отношению к родной земле (на ней он воспринимал себя как пришелец!) Эдип проявил себя как насильник и тиран. До поры до времени он мог рассчитывать на покорность фиванцев. Для того чтобы понять установку Эдипа на диктаторство, нам следует проанализировать его ответ на загадку Сфинги. Непосредственно после побоища на перекрестке, Эдип справляется и с вызовом Душительницы.

Все мы знаем, что молодой мужчина сохранил себе жизнь, выказав твердое понимание, что существо, которое «утром» лазит на четвереньках, «днем» ходит на двух ногах, а «вечером» — на трех — это человек, который в своей биологической жизни проходит разные стадии развития, а в конце его силы увядают. Эти достаточно очевидные подсказки просты как детская байка, и у Софокла не упоминается вопрос, который задавала вещунья. Поэту не нужен гипноз, связанный с загадкой, он не ставит задачи шокировать нас «сверхдогадливостью» трагического персонажа. В. Н. Ярхо писал: «Теперь о встрече со Сфинкс. Вопреки построениям Канцера, в трагедии ей уделяется крайне мало внимания. Хор вспоминает, как Эдип избавил город от дани, которую тот приносил “жестокой пророчице”... как он “убив деву-пророчицу с кривыми когтями, встал стране заслоном от смертей”... потому что “знал

знаменитую загадку"... Ни о подробностях этой встречи, ни о содержании загадки в тексте даже не упоминается, поскольку судьба Сфинкс так же мало интересовала Софокла, как характер Лайя» (Ярхо, 1978: 198–199.) На мой взгляд, мнение ученого, будто для Софокла связанная со Сфинксом проблематика вообще не интересна, не выдерживает критики.

Важно отметить, что нежелание Ярхо осмыслить место Сфинги сочетается с отказом от апологетики в восприятии властителя, которую исповедовал его предшественник: «В толковании самого мифа об Эдипе В. Пропп предложил иной путь, чем автор настоящей статьи» (там же: 208).

Можем согласиться, что дорога иная, но привела-то она к этому же результату. А именно: героизация «царя» не опровергнута, фигура Эдипа неизменно прекрасна. Т. е. В. Н. Ярхо не отбросил приевшиеся представления Ф. Ницше и З. Фрейда о том, что будто Эдип выше какой бы то ни было критики. Соответственно, имея дело со святым человеком, приходится принять с почитательностью и его преступные действия: они не более чем «божественная санкция». Парадокс в том, что в то же самое время, когда на идеологическом уровне заклеиваются Ницше, с его героизацией «спасителя» Фив, и автор психоанализа Фрейд, метафорический смысл в загадке Душительницы не выявлен. А раз сохраняется статичная величавость Эдипа, то логично, что и загадка объявляется этакой несущественной подробностью. Важно, мол, только то, что Эдип выиграл «состязание в сообразительности» (там же: 210).

Но действительно ли вопрос о том, остаться в живых или погибнуть, решался таким «безобидным состязанием»? Статьи Аверинцева и Ярхо хорошо показывают, насколько по-разному можно интерпретировать роль Сфинкса в событиях жизни Эдипа. Впечатляет и то, как оба автора приводят аргументы в пользу своих позиций, ссылаясь на фольклор, цитируя Библию, перечисляя разные мифологические варианты. Мы узнаем даже, что, согласно Гесиоду, Сфинкс — кровожадная сестра Немейского льва (Фикс). Но сколь бы не были курьезны разные представления и интерпретации, эти крайности не должны уж слишком нас озадачивать. Следует выявить проблематику зловещей вещуньи, которую Гера наслала в наказание за то, что Лай совратил юного Хрисиппа, проявив себя не как поклонник женских чар Иокасты, а как мерзкий педофил!

Фигура Сфинги и метафорический смысл ее загадки заслуживают пристального рассмотрения для того, чтобы раскрыть целостный замысел Софокла в его тетралогии из фиванского мифологического цикла. Не очень известен тот факт, что кроме сохранившихся трагедий «Эдип-тиран», «Эдип в Колонне» и «Антигона» гениальным драматургом была написана и сатирическая драма: о ней уже перестали писать в учебниках и исследованиях о Со-

фокле. А в этой утерянной сатире была представлена победа Эдипа именно при его встрече со Сфингой. Можно выдвинуть предположение, что текст был подвергнут уничтожению — точно так же, как Платон с его учениками скупали трактаты Демокрита и предавали их огню. Таким образом и наше восприятие трагической трилогии лишается той объемности, на которую рассчитывал гениальный драматический поэт. Посредством комедийного жанра встреча Эдипа, после того как он перебил Лая и почти всех его спутников, со странной вопрошающей «дамой» показала бы «мудрого спасителя Фив» в ином свете. Он и сам воспринимал себя слишком серьезно, но сквозь «сатиловскую призму» мы увидели бы в проблемном свете его поведение, поняли бы какие ценности он признавал. А ведь со времен «Поэтики» Аристотеля интерпретаторы только восхищаются бескорыстным мудрецом, которому довелось пострадать по прихоти сверхъестественной Судьбы.

И вот беспроблемное для Эдипа устранение Душительницы стало предлогом для того, чтобы молодой силач воссел на фиванский престол. Эта его победа при встрече с угрожающей смертью «дамой» обеспечила ему «карьерный прыжок». Поэтому так важно понять, чем он взял насланную богиней семейного очага Сфингу. Сошлемся на указание С. С. Аверинцева о том, что, не подпадая под гипноз от загадочных слов, скиталец просто овладел этим странным существом. Ведь принц из Коринфа был парень не робкого десятка, если без всяких церемоний только что расправился с попавшими под его горячую руку извращенным вельможей и его изнеженными спутниками. Теперь же Эдип проявил себя на высоте своей *мужской силы*, обладанием. Тут у нас не может быть никаких сомнений, ведь он стал отцом аж четверых детей. И подобное происшествие — согласимся — вполне подходит для сатиловского сюжета с «триумфом» фаллической стихии.

В выпущенном в 1995 г. словаре-справочнике «Античная культура: литература, театр, искусство, философия, наука» под редакцией В. Н. Ярхо дана вот такая характеристика этого жанра античной драматургии: «С[атиловская] д[рама] вошла в кач[ест]ве послед[ней] части в *тетралогию* и была призвана разрядить трагич[еское] напряжение, достигнутое в *трилогии*» (Античная культура ... , 1995: 267–268; курсив источника. — О. С.).

Не слишком ли развлекательное назначение приписывается сатиловской драме? На мой взгляд, лучше сказать, что снижалось не напряжение, а декларативная патетика, за которая могли бы размыться реальные значения поступков и характеров. Я считаю, что драматургам было важно не просто развлечь, а никак не допустить, чтобы зрители воспринимали трагических героев в том приподнятом ключе, в котором они говорят о самих себе. С помощью «сатиловского снижения» авторы как бы комментировали ходульную

«возвышенность» героев в «серьезной» трилогии. Добавлением «фаллического» сюжета великие драматурги не просто стремились «разрядить напряжение», а приводили к трезвому пониманию того, кто, как, за какой свой выбор должен отвечать и из-за каких роковых поступков и иллюзий наступает трагическая развязка.

Когда говорят об эллинских драмах, ограничиваясь пересказом мифических сюжетов, нам трудно представить проблемную суть образов и взаимоотношений. Соответственно, вообразить Эдипа в комическом представлении становится немислимо, поскольку укоренилось мнение, что он возвышенный герой и мудрец, чуть ли не полубог. Эту неразрешимость проблемы ясно сознавал специалист по классическому наследию Ф. Ф. Зелинский. Этот известный своим нищестанством знаток античности выпустил в начале прошлого века многотомное, с пространными комментариями издание пьес Софокла. Если обычно вообще опускается тот факт, что прославленный трагик сочинил и четвертую пьесу с участием сатиров, то филолог-классик вполне добросовестно признает, что не может себе представить, как бы выглядела в таком окружении столь величественная фигура и какой сюжет мог бы включать несовместимые персонажи. Недоумение Зелинского объяснимо, поскольку у него находим такое восклицание: «“Трагическая вина!” Да разве можно пользоваться столь устаревшим понятием? Можно... теперь уже можно. За творческим периодом в теории поэзии наступил период критики, а теперь очередь за критикой критики. Но, конечно, надо знать, что под словом разумеется. Мы не признаем за Эдипом нравственной вины; “трагическая вина” — понятие эстетическое, а не этическое. Это нужно твердо помнить» (Зелинский, 1915: XXXIX).

Пусть эти предположения и догадки сочтут бездоказательными, а построенные аналогии — неубедительными. Но даже если отказаться обсуждать потерянную сатирическую драму, где Сфинга появлялась в непосредственном облике, то фигура Душительницы и задаваемая ею загадка заслуживают нашего пристального внимания. Считать, что драматургу безразлична миссия, которая возложила на нее богиня домашнего очага и брака Гера, бесперспективно. Иначе говоря, понадобится метафорический ключ, чтобы представить личность Эдипа более широко, в проблемном свете. Что за житейские ценности исповедует на тот момент бродяга, который вырос как принц в Коринфе? Какой психологический настрой вел его к победе в двух испытаниях, после которых он воцарился на фиванском престоле? Ведь в своей поспешной женитьбе на овдовевшей царице Эдип предвосхитил пройденный шекспировским Клавдием путь к власти. Правда, его преступление не столь зловеще, как сознательное братоубийство, а свершилось в ходе до-

рожной перебранки. Наш герой узнает только спустя много лет о том, что «почитавшийся ребенком Лая» (стих 1146) мальчишка попал в чужой город и не был настоящим коринфянином...

Следует отметить, что у Сфинги не самый жестокий нрав. Она готова попросту «уйти» и не ищет жертвы любой ценой: ей важно найти мужчину, который знает толк в природе *человека*. Ее залог для смертного наказания не бессмыслен как у безоглядно жестокого Прокруста. С поджидающим своих жертв на дороге садистом Тесей справился силой. Те самые истязания, которыми разбойник мучал случайных и не в чем неповинных жертв, теперь ему пришлось испытать самому. Здесь же Сфинга просто перестала существовать по собственному желанию: задачу *свою* она решила и на троне воссядет юный, с недюжинной мужской силой Эдип!

А в чем вина тех, кого Душительница наказывает за недогадливость? С моей точки зрения, не плохо бы помнить, что древние мудрецы исповедовали разного вида натурфилософию. Но, руководствуясь своими постулатами, они не находили внутреннего покоя. Их настигали разочарования из-за ложных представлений и мнимых ценностей. Таков жизненный итог Демокрита, который схож с Эдипом в том, что, возможно, тоже сам лишил себя зрения. Он приблизил к зрачкам раскаленную медную пластину, надеясь обрести внутреннее зрение. Ведь фатализм его теории с движением атомов по строгим орбитам не дает выход к пониманию мира. При таких представлениях нет места для свободы, для личностного начала. Все предопределено, и назначение человеческого существования размывается, теряется смысл жизни...

А разве своей мистикой чисел Пифагор мог бы указать путь к счастью? Или мог бы это сделать Эмпедокл с абстрактным учением о любви как силе притяжения и о вражде как силе отталкивания? Увы, та власть над магическими силами, которую он себе приписывал, полностью надумана...

ОБРАЗ ЦАРЯ ЛАЯ

В рамках фиванского сюжета основное отклонение от нормы в потребностях человека наблюдается у Лая, который погибает от руки Эдипа. Это из-за его преступных наклонностей Сфинге пришлось искать человека, который не будет пренебрегать ее чувственностью. Обычно эта подробность в поведении первого супруга Иокасты не обсуждается, да и в самой трагедии о педофилии фиванского царя речь не заходит. Но из мифологии доподлинно известно, что Лай был проклят Пелопсом за то, что увел его первородного сына Хрисиппа как свою «игрушку». Последовало пророчество, которое просто повторило отчаянный крик поруганного отца: пусть Лай сгинет от руки собственного сына. Как бы страхуясь от такого возмездия, он распорядился

после жестокого прокалывания ножек, бросить сына Иокасты на растерзание диких зверей. И понять сокрытую в фигуре Душительницы символику мы можем, только обсудив греховность бывшего царя.

О его извращенных наклонностях мы догадываемся только в связи с его затянувшейся бездетностью. Вот «сочувственное» высказывание Эдипа:

Итак, начните розыски! Поскольку
Я принял Лая царственную власть.
Наследовал и ложе и супругу,
То и детей его — не будь потомством
Он обделен — я мог бы воспитать...
Бездетного его беда настигла.

(261–266)

Как видим, хотя Иокаста имела свое чадо, представление о Лабдакиде как о бездетном супруге не изменилось. Никто не обсуждал с Эдипом, что у Полиника, Этеокла, Антигоны и Исмены был брат. А доказанная столь многими детьми фертильность женщины — несомненное доказательство того, по чьей вине она долго не имела детей. И поскольку Лай был заложником своих извращенных пристрастий, он был в тягость не только для своей супруги (очевидно, что она страдала от неудовлетворенности), но и для Фив, ведь для решения вопросов государственной важности необходима мужественная трезвость.

Невозможно анализировать великую трагедию и не учитывать эти вполне реальные подробности. А если кто-то возразит, будто нечего обсуждать, что происходило с Иокастой в постели, то я напомним «сексуальную» доктрину З. Фрейда, которая при полной своей надуманности не вызывает подобного рода нареканий. Так позвольте и мне сказать, что без откровенного разговора о преступлении Лая нам не постичь, почему появилась Душительница. Именно тот, кто понимает психику людей и исповедует девиз Протагора «Человек — мера всех вещей», располагает немалыми преимуществами. Он более гибко реагирует на испытания, легко их преодолевает. Своим самочувствием и волей к власти ему легче действовать во враждебной обстановке. Поэтому в стычке с Лаем и с людьми из его окружения терпит поражение как раз тот, кто поддался иллюзии, что его собственная значимость и безнаказанность гарантирована царским титулом. И, соответственно, своей молниеносной реакцией Эдип показал, что сам является «мерой всех вещей» и не намерен ждать благоволения от распутного вельможи и его сомнительной свиты.

Можно возразить, что вряд ли все люди в окружении Лая были с извращенными наклонностями. Охотно соглашаюсь с мнением об уцелевшем в смертельном побоище Пастухе. На мой взгляд, этот побочный сын Лабдака (раб он не купленный, а «рос при доме» — стих 1098) решил изменить царствующему брату. Не иначе как благодаря его стремлению отомстить за свое бесправное положение Иокаста родила-таки своего первенца и теперь говорит о нем только как о *своем* сыне (стихи 831, 833). И вполне логично, что когда версия царя Эдипа, будто он является сыном Судьбы, отпала, при расспросе первой высказана догадка, что именно его отец спас беспомощного младенца:

Где взял его? Он свой был иль чужой?

(1138; курсив и подчеркивание мои. — О. С.)

Да и ответ Пастуха уклончив:

Не свой... Его я принял от другого.

(1139)

ПРОТАГОР И ЭДИП

Девиз Протагора дает основание вспомнить и о том, какой была его карьера философа. Не похожа ли она на пройденный Эдипом путь?

Протагора заметил Демокрит, удивившись ловкости, с которой тот связывал дрова коротенькой веревкой, т. е. он был обыкновенным грузчиком. Не высок статус и у скитающегося Эдипа, после того он как покинул Коринф. Диоген Лаэртский отмечал, что Протагор обращал внимание не на мысли, а на слова, а Эдип также пользуется приемами софистов и меняет свои мнения, подстраиваясь в зависимости от обстановки. Первоначально некто объявлен соратником, другом, но потом внезапно получает клеймо злопыхателя, чей рот надо насильно закрыть! Вначале то, что предсказали пророки, для Эдипа священо и неотвратимо, однако потом полностью отрицается. То жрецы и оракулы заслуживают полного доверия, то вдруг Эдип объявляет, что они подкупленные ставленники врагов. Когда властитель говорит, что найдет убийц Лая и восстановит справедливость, его предшественник именуется официальным титулом, а в разговоре с Коринфянином о том, кто ему передал младенца с проколотыми лодыжками, то же самое лицо уже названо тираном. Значит, одним только настроением и сиюминутной выгодой определяется то, как будет охарактеризован один и тот же человек. Правда, переводчики лишили нас возможности удивляться и задавать вопросы, поскольку в корне различающиеся и употребляемые в разных контекстах слова на русском языке

ке получают нейтральный эквивалент — «царь» (см., подробнее: Стефанов, 2016).

Не достаточные ли это основания для того, чтобы заключить, что вполне убедительны как примеры из реальной истории, так и сопоставления с философскими и историческими сочинениями, в которых описаны все те примеры тиранов, манипулировавших человеческими слабостями и страстями? В своем стремлении укрепить свою власть, сохранить вечное подчинение всех фивян Эдип упускает ту неизменную «деталь»: человек все же смертен, а власть преходяща. Именно об этом предупреждала вторая часть загадки, которая сохранилась в поэзии. Найдя ответ на ее прямой вопрос, Эдип «победил» Душительницу, но не понял, что недальновидно делать ставку на силу — со временем точки сопротивления увеличатся, а сила человека убавится.

Какими бы ни были всевозможные интерпретации знаменитой трагедии, можно утверждать, что Эдип пренебрегал этой неизбежностью в человеческой жизни: долгое время он делает ставку только на свою силу. И тогда, когда убивал Лая и его свиту, и в момент, когда ведет свое знаменитое расследование. О нем ведь ошибочно утвердилось мнение, будто бы он готов лишиться даже собственной жизни, лишь бы не страдали его поданные. При этом забывается, что с мечом в руке и в ярости тиран сломал засов и вторгся в покои царицы, чтобы воздать возмездие. Виновными могут быть только другие, но только не он сам!

И только когда Эдип увидел, что его мать и супруга не скрывается и не ищет спасения, а сама повесилась, он осознает свою греховность и выкалывает свои зрачки. В этот момент тираническое насилие уступает место покаянию. Торжествует сила человеческого духа и совершается трагическое очищение от заблуждений. Здесь можно оценить перспективы развития образа, когда в следующей пьесе «Эдип в Колоне» бывший царь умоляет Тесея утаить место, где захоронят его останки. Таким образом он как бы желает пресечь как будущее поклонение, так и возможное поругание. Гораздо важнее тот духовный опыт, который извлекается в постижении человеческих страданий после краха иллюзий.

ЭДИП В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф. НИЦШЕ

Здесь возможно провести параллель с судьбой Сократа, который посвятил свое философствование духовным ценностям, следовал в своей жизни нравственным требованиям. Именно ими он обосновал свой отказ пережить назначенную ему смерть и не принял уговоры друзей спастись бегством. Сократ резко противопоставил себя софистам. Он не считает возможным осуществить свое человеческое призвание, если не примет на себя историче-

скую вину за то время, в котором выпало прожить жизнь. Именно с такой уникальной в своей жертвенности позицией Сократ вносит коррекцию в максимуму Протагора: не просто человек, а *думающий* человек является мерой всех вещей.

Этим дополнением великий философ направляет наше внимание к тому, что люди не думают одинаково, и поэтому надо находить меру истины! В этой связи интересно рассмотреть, какой смысл вкладывал в судьбу Эдипа Ф. Ницше. Отнюдь неслучайно то обстоятельство, что он настроен неприязненно как к Сократу, так и к Иисусу Христу. Ницше настаивает: никакие нравственные коррективы не должны препятствовать проявлениям силы, ничем неограниченной власти. Соответственно, он предпочитает возносить преступление Эдипа на поэтический пьедестал. После того, как он определяет отцеубийство, инцест и догадливость о человеке как таинственное триединство судьбоносных поступков, Ницше обобщает: «...тот, кто разрешил загадку природы — этого двуобразного сфинкса, — должен был нарушить и ее священнейшие законоположения как убийца своего отца и супруг своей матери» (Ницше, 1990: 90).

Получается странный для классического филолога, каким был Ф. Ницше, парадокс. Внушая желанную идеализацию, он решается на значительные неточности. Так, например, он не берет в расчет, что на перекрестке был убит не только Лай, но погибли и другие люди. При этом это происшествие совершается *до* решения загадки. Философ упоминает законоположения природы, но не обращает внимание на тот факт, что родившая в общей сложности пятерых детей Иокаста не могла ждать своего первенца от Лая по причине его неполноценности. Преступник Лай, которого отец увезенного для «любовных утех» юноши (грех, не допускаемый Платоном в его «идеальном государстве») проклял, был только «на бумаге» отцом своего будущего убийцы. Многие века спустя так и будет указано в Кодексе Наполеона: отцом ребенка является супруг матери!

Иначе говоря, в результате своего — по Т. Манну — опьянения эстетизмом Ф. Ницше несколько не смущается режущими слух неточностями. В его «оракульском запале» ему важно навязать восхваление преступления. Он полагает, что именно в нем можно открыть роль движущей силы: «Лучшее и высшее, что может достигнуть человечество, оно вымогает путем преступления и затем принуждено принять на себя и его последствия, а именно, всю волну страдания и горестей, которую оскорбленные небожители посылают, *должны* послать на благородное, стремящееся ввысь человечество, — суровая мысль, странно отличающаяся по тому *достоинству*, которое она

придает преступлению, от семитического мифа о грехопадении...» (там же: 92; курсив источника. — *О. С.*).

По всей видимости, Ницше делает ставку на мифическую замкнутость, и в таком видении предстоящая стихия гибели раскручивается по причине уязвленного самолюбия божественных сил. А раз не в нашей власти распоряжаться этими силами, а отказываться от «лучшего и высшего» не стоит ни в коем случае, то сразу отпадают и сомнения относительно преступлений. Они для такого шамана просто необходимы. В русле такой логики можно рассматривать отказ Ф. Ф. Зелинского от обсуждения «нравственной вины», когда в качестве ее заместителя он выдвигает «эстетическую вину».

И здесь очень важно выразить категорическое несогласие с такого рода точкой зрения. Русский мыслитель В. С. Соловьев цитирует фразу Ф. Ницше: «Есть смысл в жизни, именно в ее эстетической стороне, в том, что сильно, величественно, красиво» (цит. по: Соловьев, 1988: 87). Философ воспроизводит это утверждение, чтобы тут же дать его опровержение, которое можно почерпнуть из второй части загадки Сфинкса: «...конец всякой здешней силы есть бессилие и конец всякой здешней красоты есть безобразия» (там же). Важно учитывать и название книги, в которой еще при жизни немецкого философа было представлено опровержение его заблуждений. Она называется «Оправдание добра. Нравственная философия». И можно с уверенностью сказать, что после того, как Эдип лишил себя зрения, он обрел как раз ту внутреннюю свободу, которая приобщила его к неподвластным насилию, непреходящим ценностям нравственности...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не трудно представить, что такого рода выводы могут встретить некоторые возражения. Их нетрадиционность может вызвать нарекания в том, что ассоциативные связи и отсылки слишком произвольны и вряд ли оправданы такие аналогии, проводимые сквозь толщу веков.

Но если кто-то решится опровергнуть вышеизложенное, то сначала следует разобраться в том, как можно интерпретировать немислимые трансформации, которые позволяют себе некоторые известные исследователи. Например, когда К. Леви-Стросс хвалит фрейдистские интерпретации известнейших мифов, он заявляет, что по характеру интереса зрителей гениальная трагедия об Эдипе не отличается от водевиля «Соломенная шляпка» французских авторов Э. Лабиша и Марк-Мишеля. Леви-Строссу достаточно, что в обеих пьесах есть криминальная составляющая. И в самом деле не удивительно, что антропологу неинтересна духовная составляющая в загадке о человеке.

Как это ни печально отмечать, но странное зоантропоморфное существо, которое действует от имени обиженной супруги верховного бога и покровительницы семейного очага Геры, не послужило поводом для сущностного анализа. Просто обсуждение проблематики, которая связана с Душительницей, ставит во главу угла ценностный заряд этой символики. Следовательно, во имя сохранения мифической амальгамы предпочтение отдается... умолчанию!

В заключение подытожим, что настало время вернуть первозаданную силу трагического прозрения великого Софокла. Необходимо отбросить рецидивы ремифологизации «Эдипа-тирана»!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С. (1972) К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность : к 80-летию Ф. А. Петровского : сб. науч. статей / ред. М. Е. Грабарь-Пассек и др. М. : Наука. 504 с. С. 90–102.

Античная культура: литература, театр, искусство, философия, наука (1995) : словарь-справочник / под ред. В. Н. Ярхо. М. : Высшая школа. 381, [2] с.

Зелинский, Ф. Ф. (1915) Софокл и героическая трагедия // Софокл. Драмы / пер. со введениями и вступительным очерком Ф. Ф. Зелинского : в 3 т. М. : М. и С. Сабашниковы. Т. II. LXXVIII, 435 с. С. VII–LXXVIII.

Мелетинский, Е. М. (1984) Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе) // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов : сб. науч. тр. / ред. Б. Н. Путилов. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. 255 с. С. 57–62.

Ницше, Ф. (1990) Соч. : в 2-х т. М. : Мысль. Т. I. 829, [2] с.

Пропп, В. Я. (1976) Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность : избр. статьи / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова ; [АН СССР, Ин-т востоковедения]. М. : Наука. 325 с. С. 258–299.

Соловьев, Вл. С. (1988) Соч. : в 2-х т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги ; примеч. С. Л. Кравца и др. М. : Мысль. Т. I. 892, [2] с. (Филос. наследие. Т. 104).

Софокл. (1954) Трагедии / в пер. С. В. Шервинского ; примеч. и послесл. Ф. А. Петровского. М. : Гос. изд-во худ. лит. 472 с.

Стефанов, О. (2016) Тирания в Фивах [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 1 (январь — февраль). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/1/Stefanov_Tyranny-in-Thebes/ [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 20.01.2018).

Ярхо, В. Н. (1972) Была ли у древних греков совесть? // Античность и современность : к 80-летию Ф. А. Петровского : сб. науч. статей / ред. М. Е. Грабарь-Пассек и др. М. : Наука. 504 с. С. 251–263.

Ярхо, В. Н. (1978) «Эдипов комплекс» и «Царь Эдип» Софокла (О некоторых психоаналитических интерпретациях древнегреческой трагедии) // Вопросы литературы. № 10. С. 189–213.

Дата поступления: 31.01.2018 г.

Стефанов Орлин — доктор филологии, член Союза ученых Болгарии, приглашенный лектор в университетах России (София, Болгария). Эл. адрес: orlin.stefanov@abv.bg

Stefanov Orlin, Doctor of Philology, Member, Union of Scientists of Bulgaria, visiting lecturer in Russian universities (Sofia, Bulgaria). E-mail: orlin.stefanov@abv.bg

Для цитирования:

Стефанов О. Загадка Сфинкса [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 6. С. 204–219. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/928> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2018.6.14](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.6.14)